

Феноменология и функции суицидального юмора: теоретический обзор

Говоров С.А.

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1799-9944>, e-mail: stsgovorov@hotmail.com

Иванова Е.М.

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3616-9444>, e-mail: ivalenka13@gmail.com

В настоящей статье приводится анализ суицидального юмора как особой разновидности черного юмора и его связи с суицидальным поведением. Прослеживается взаимосвязь между подобным юмором и суицидальным табу, а также коммуникативным табу на тему самоубийства. Анализируется сложность и противоречивость общественного отношения к самоубийствам и актам самопожертвования. Предлагается понимание суицидального юмора как комплексного, многозначного феномена коммуникации, значение которого может быть сформулировано как осмысление табу на самоубийство. Анализируется возможность влияния суицидальных шуток на суицидальное поведение, результатом чего может стать как усиление суицидальной мотивации, так и ее ослабление. Рассматриваются различные механизмы, которые могут лежать в основе адаптивного характера подобного юмора через его связи с психологическими факторами суицидального риска. Приводится гипотеза о возможности применения подобного юмора как инструмента клинической диагностики и терапии, а также анализируются причины его популярности в подростковой среде.

Ключевые слова: черный юмор, суицидальный юмор, мемы, чувство юмора, суицидальное поведение, суицидальное табу.

Для цитаты: Говоров С.А., Иванова Е.М. Феноменология и функции суицидального юмора: теоретический обзор [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2023. Том 12. № 2. С. 94–117. DOI: 10.17759/cpse.2023120205

Phenomenology and Functions of Suicide Humor: A Theoretical Review

Stanislav A. Govorov

*Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1799-9944>, e-mail: stsgovorov@hotmail.com*

Elena M. Ivanova

*Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3616-9444>, e-mail: ivalenka13@gmail.com*

The present article provides an analysis of suicide humor as a specific form of dark humor and its relation to suicide behavior. It is suggested that such humor and suicide taboo, as well as communicative taboo on the topic of suicide, are interrelated. The complexity and inconsistency of society's attitude towards suicide and acts of self-sacrifice are analyzed. Presumably suicide humor represents a rather complex multidimensional phenomenon of communication, which functions as a tool for reflection on suicide taboo. It is suggested that suicide jokes can influence suicide behavior either by strengthening or weakening suicide motivation. Various mechanisms that may underlie the adaptive nature of such humor are considered through its relationship with the psychological factors of suicide risk. The article provides a hypothesis on how such humor can be used as a tool for suicide risk's clinical diagnosis; it also discusses the reasons for suicide jokes' popularity among adolescents.

Keywords: dark humor, suicide humor, memes, sense of humor, suicide behavior, suicide taboo.

For citation: Govorov S.A., Ivanova E.M. Phenomenology and Functions of Suicide Humor: A Theoretical Review. *Klinicheskaja i spetsial'naja psichologija=Clinical Psychology and Special Education*, 2023. Vol. 12, no. 2, pp. 94–117. DOI: 10.17759/cpse.2023120205

Введение

В связи с активным развитием средств цифровой коммуникации особую озабоченность специалистов в области психического здоровья вызывают юмористические суицидальные мемы — одна из форм суицидального юмора, представляющая собой медиаобъекты, затрагивающие разные формы суицидального поведения, которые распространяются и трансформируются через Интернет большим количеством пользователей. Несмотря на то что понимание юмора в целом как эффективного копинг-механизма в стрессовых ситуациях далеко не ново [49], суицидальному юмору зачастую сопутствует репутация явления опасного, провоцирующего суицидальное «заражение». Подобное видение представляется неполным в свете последних исследований, в которых допускается, что шутки суицидально-депрессивной тематики могут носить аффилиативный характер, создавая чувство общности

у людей с депрессивной симптоматикой и суицидальными мыслями, и аналогично юмору общей тематики функционировать как копинг-стратегия [34; 38].

Цель теоретического исследования — обобщение и систематизация современных отечественных и зарубежных исследований суицидального юмора, анализ его функций и взаимосвязей с факторами риска суицидального поведения.

В соответствии с целью исследования был проведен тематический поиск литературы с использованием следующих баз данных: eLibrary.Ru, Google Scholar, PubMed, NCBI, APA PsycNet. Просмотрены 350 публикаций за последние 30 лет, посвященные исследованиям юмора и его взаимосвязи с психическим здоровьем, а также 100 публикаций, опубликованные за последние 10 лет и посвященные современным исследованиям суицидального поведения. В первую очередь отбирались публикации, которые касались юмора суицидальной тематики, а также связи юмора и суицидального поведения.

Определение черного юмора

Суицидальный юмор тесно связан с понятием черного юмора, поэтому необходимо начать с определения последнего. Происхождение термина «черный юмор», как правило, связывают с появлением в 1940 году «Антологии черного юмора» французского писателя и одного из основоположников сюрреализма А. Бретона [4]. Описывая его, автор не предлагает точного определения, а, ссылаясь на Ш. Бодлера, понимает под этим термином наивысшую, «настоящую» форму юмора: «шипящего, точно петарда, взрывного и мгновенно охватывающего собою все вокруг...» [цит. по 4, с. 11]. В свою очередь, юмор в целом, по мнению автора, невозможно истолковать: «возведенная в абсолют недоговоренность» [4, с. 13] лучше многословия. Основные его функции А. Бретон видит в утверждении бунта, мятежа разума перед внешним миром.

Несмотря на популярность жанра и термина, его обозначающего, на сегодняшний день общепринятого определения черного юмора не существует. Это связано с его довольно широким семантическим полем, а также с трудностью однозначного определения юмора в целом. В.И. Жельвис, пользуясь терминологией Э. Фромма, отмечает, что черный юмор представляет собой тенденцию к некрофильскому восприятию мира, интуитивное тяготение человека к смерти [37]. В. Кебуладзе идентифицирует его через объект, на который он направлен, — по мнению автора, это страх смерти [18]. Несмотря на то что оба определения могут представлять значительный теоретический интерес, некрофильское восприятие мира представляет собой довольно сложно идентифицируемое метапсихологическое понятие, оперирование которым в рамках научного исследования затруднительно, а страх смерти значительно ограничивает семантическое поле подобного юмора, исключая из него, к примеру, смех над инвалидностью или над религиозными символами (страх смерти здесь может фигурировать разве что косвенно). Анализируя черный юмор в контексте внутрисемейных отношений, И.А. Бутенко рассматривает его как способ выражения амбивалентных переживаний подростка: ощущения зависимости от родителей и желания от нее избавиться [5]. Садистические шутки, персонажами которых становятся члены семьи, чья агрессия направлена друга на друга, представляют собой символическое крушение родственных связей, безопасное для реальных отношений

(«Девочка Света нашла пистолет. Больше у Светы родителей нет»; «Маленький мальчик нашел автомат. Долго у стенки корчился брат»). Более глобально автор рассматривает черный юмор как отражение драмы модернизации в обществе, которая может быть сформулирована как выбор между поиском собственного пути и использованием опыта прошлых поколений [5].

Определение бостонского «Словаря мировых литературных терминов», часто встречающееся в отечественных работах [8; 37], звучит следующим образом: черный юмор — это «юмор, обнаруживающий предмет своей забавы в опрокидывании моральных ценностей, вызывающих мрачную усмешку» [цит. по 37, с. 210]. Однако и юмор в целом трактуется многими специалистами как игровое нарушение общественных запретов и предписаний [19; 50]. Выделение же специфики черного юмора относительно юмора в целом через его взаимосвязь именно с моральными ценностями не представляется достаточно точным, так как к последним среди прочих относят честность, долг, ответственность [2], вокруг которых может быть выстроен как юмор черный, так и любой юмор вообще.

Выход из этого смешения терминов может быть найден в уточнении социальных норм, о которых идет речь в определениях выше. Как правило, среди них выделяют этикет, моду, правила вежливости, обычаи, традиции, нравы, ритуалы, табу и т.д., причем степень наказания за несоблюдение членом социума этикета, моды, некоторых семейных или корпоративных традиций несопоставима с санкциями за нарушение табу, которые представляют собой одни из самых строгих запретительных норм. Зародившись как религиозные, нормы табу могут постепенно приобретать вторичную роль социального регулятора и существовать уже вне контекста породившей их религиозно-мистической символики [33]. Например, анекдот «Леночка, я пока не готов на Вас жениться, но могу потихоньку начать выплачивать супружеский долг»¹ затрагивает традиции, регулирующие возможность сексуальной жизни до брака, носящие в современном обществе относительно свободный характер, — как следствие, он скорее будет квалифицирован как юмор общей тематики. В то время как шутка «Если труп обвести цветными мелками — создается ощущение праздника» касается гораздо более строгих общественных запретов и предписаний, регламентирующих отношения человека со смертью в целом и мертвыми телами, похоронами и т.д. в частности, которые обозначаются термином «табу на смерть» [47], — соответственно, подобный анекдот будет скорее оценен как черный. Таким образом, черный юмор может быть выделен относительно юмора в целом, в первую очередь через его взаимосвязь с табу.

Также необходимо осветить еще один важный момент во взаимоотношениях юмора (как черного, так и общей тематики) и общественных устоев: его описание как «нарушающего», «опрокидывающего» социальные нормы не представляется достаточно точным. В исследовании роли обрядового юмора в традиционных обществах Ю.А. Артемова отмечает, что смеховое поведение может выполнять функцию не только нарушителя социальных норм, но и использоваться как наказание за их нарушение (осмеяние воров, юношей и девушек, не вступивших в брак в положенной срок, бесплодия или внебрачной беременности и т.д.) [1]. Анализируя роль

¹ Здесь и далее в качестве иллюстрации были использованы анекдоты и юмористические мемы с порталов Рунета «ВКонтакте», «Пикабу», «Шуток нет».

комедианта в общественном дискурсе, Дж.К. Патон выделяет схожие роли, которые он может занимать относительно общественных норм, — радикала и консерватора [51]. Отмечая, что общественные устои не являются статичным явлением, а находятся в непрерывном процессе становления и осмысления, автор рассматривает их в контексте битвы между существующими/традиционными и новыми/зарождающимися представлениями о нормальном. Соответственно, комедиант — по выражению А. Бергсона, «переодетый моралист» [цит. по 51] — может занимать в этой битве как радикальную позицию, так и консервативную. В качестве примера можно привести шутку из монолога В. Складчиковой [32] «Какая там Victoria's Secret в тридцать. Там Виктория Павловна Secret. Все, там все рассекречено, что скрывать», которую можно трактовать как радикальный юмор, высмеивающий традиционное представление о молодости и девственности как об обязательных атрибутах женского идеала. Примером юмориста-консерватора является М. Задорнов, иронизирующий по поводу употребления слова «окей» русскоязычным населением [14]. Важно отметить, что закрепление традиционных норм здесь происходит уже в неюмористическом ключе: при переходе от высмеивания английского «nobody» (в интерпретации М. Задорнова — «нет тела») к русскоязычному словосочетанию «ни души» ироничные интонации в речи юмориста исчезают (как и смех аудитории). Как можно видеть на этом примере, ограничение модели Дж.К. Патона состоит в том, что выступления комедиантов редко представляют собой исключительно юмористический материал, поэтому вектор их взаимодействия с социальными нормами (нарушение или санкция за нарушение) может определяться не только шутками как таковыми, но и совершенно серьезными вставками.

М.В. Бороденко рассуждает о взаимоотношениях комического и установок сознания (под этим термином автор понимает форму хранения морали, нравственности, культуры поведения и т.д., то есть социальных норм) следующим образом: «В зависимости от ситуации, от контекста смех “выбирает”, какую функцию будет творить. Если установка является “свежей нормой” или есть необходимость напомнить о ней — происходит смеховая рефлексия, уточнение, прорисовка границы понятия, ценности. Если группа сталкивается с давлением “чужих” смыслов, “чужих” норм поведения — возникает “смеховая защита” (“какие вы, право, странные”), которая одновременно приводит к реставрации, повторному утверждению собственных ценностей, поддержанию установки смехом. Если группа предъясвляет установки, “пахнущие нафталином”, — смех “выбирает” функцию протеста и разрушения, смехового преодоления условностей установки» [3, с. 36]. Введение социальной нормы в смеховой контекст рассматривается автором как возможность полемизировать о ее содержании.

Вышесказанное позволяет поставить под сомнение понимание юмора как «нарушителя» и сформулировать его функцию как осмысление, уточнение актуальных социальных норм, рождающихся в диалектическом противостоянии старого и нового. Результатом может стать как движение в сторону прогресса и модернизации, так и сохранение статуса кво или даже движение в сторону более традиционных форм социальных норм, нежели общеупотребимые в настоящем. Соответственно, определение бостонского «Словаря мировых литературных терминов» может быть уточнено следующим образом: черный юмор — юмор, предметом игры и забавы которого являются нормы табу, что способствует их осмыслению. Его семантическое поле включает смерть, определенные виды

сексуальных отношений (к примеру, инцест), болезнь, инвалидность, религиозную символику и т.д. — все те аспекты социальной жизни, при столкновении с которыми от члена общества требуется наиболее строго регламентированное поведение.

Из тесной связи черного юмора со строгостью социальных норм напрямую вытекает относительность границ данного феномена. К примеру, популярные американские шутки из серии “yo mama” (“Yo mama is so fat, I took a picture of her last Christmas and it’s still printing”, что в переводе с английского значит «Твоя мама настолько толстая, я ее сфотографировал на прошлое Рождество, а фото до сих пор печатается») могут быть оценены как черные или как «обычные» в зависимости от степени почтения к родителям, диктуемого культурным кодом того или иного общества.

Другой пример: «Старики на демонстрации несут плакат: “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство”. – “Вы что, рехнулись? Когда у вас было детство, товарища Сталина еще на свете не было!” – “За то и спасибо”». Восприятие этого анекдота как черного сегодня и гражданином СССР середины прошлого века скорее всего будет значительно отличаться в силу снижения значимости культа вождя коммунизма. Таким образом, относительность границ черного юмора напрямую связана со сложностью и многослойностью феномена социальной нормы, ее зависимостью от конкретной национальной культуры и эпохи.

Суицидальный юмор традиционно оценивается как форма черного юмора вследствие особой социальной значимости и табуированности тематики. В настоящей статье он будет пониматься как разновидность юмора, затрагивающая тему самоубийства и самоповреждения.

Суицидальный юмор и суицидальное табу

На протяжении истории человечества многие религиозные деятели, политики, философы и писатели регулярно обращались к феномену самоубийства, осмысляя его значение для человека и общества. «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии», — пишет А. Камю [17, с. 223].

Анализируя отношение общества к суициду, Е.Б. Любов [23] приводит большое количество примеров его негативного, нейтрального, амбивалентного и даже положительного восприятия. К числу первых относится осуждение самоубийства в иудаизме (дословное значение самого слова на иврите — «потерять себя»), однако не обходится без исключений: сочувствие вызывает ослепленный Самсон, который похоронил под домом себя и тысячи врагов. Философы Древней Греции высказывают полярные, иногда смешанные мнения. Стоики (одобрение) противостоят Пифагору и Аристотелю (осуждение). Платон предлагает хоронить самоубийц отдельно, без памятника, однако делает исключение для своего учителя Сократа. В Китае суицид был дозволен старику — в этом случае он становился кармически нейтральным, в Японии — самураю как путь к спасению чести. Polemica продолжается и в христианской традиции. В суицидах рядовых христиан Фома Аквинский усматривал тройной грех: против Бога, общества и своего естества. Однако принятие

смерти за веру (первые христианские мученики), строгая аскеза и практики умерщвления плоти становятся атрибутами святости, а самопожертвование Христа (добровольное и сознательное принятие смерти по воле Пославшего его) оценивается как проявление истинной любви, спасшей человечество [23]. Интересно отметить, что современная Русская православная церковь дает разрешение на похороны суицидента на христианском кладбище при наличии у родственников медицинской справки о его психическом заболевании [27], тем самым внося дополнительный фактор в оценку самоубийства как тяжкого греха.

Британский антрополог А. Рэдклифф-Браун указывает на то, что объекты ритуального избегания и табу у многих народов разделяются на «священные», с одной стороны, и «нечистые», с другой [30]. В качестве примера он приводит гавайское традиционное общество, в котором если человек совершал инцест с сестрой, он становился «капу» (изгоем) и должен был быть убит. Однако высшая святость (также «капу») признавалась за вождем, рожденным от брата и сестры, которые в свою очередь были также рождены от аналогичного инцеста. Таким образом, одним и тем же словом «капу» обозначалась как святость, так и нечистота [30]. Как можно видеть, самоубийство как объект табу подвергается такому же расщеплению на «святое» и «нечистое», причем это характерно не только для религиозной традиции. «Антихрист» Ницше следует той же логике: самоубийство в целях спасения дела жизни оправдывается, суициды от скуки или неразделенной любви осуждаются. В словах автора «наши самоубийцы дискредитируют самоубийство — не наоборот» [Ницше, 1886, цит. по 23] можно отчетливо услышать латинское крылатое выражение «что дозволено Юпитеру — не дозволено быку».

Оценка суицида в современном обществе продолжает оставаться довольно противоречивой и запутанной: ее критерии могут быть представлены системой координат, которая включает такие оси, как «сила – слабость», «подвиг – позор», «протест – смирение», «необходимость – прихоть», «альтруизм – эгоизм», «истинность – демонстративность», «спасение ближнего – его наказание» и т.д. Чтобы найти место суицидальному юмору в этой системе, можно обратиться к трехчленной модели, предложенной российским антропологом А.Г. Козинцевым [19]. Крайние позиции в ней занимают области идеала и антиидеала, представляющие собой противоположные по содержанию наборы «нужно» и «нельзя». Условно обозначая «нечистый» аспект лишения себя жизни как самоубийство и «священный» — как самопожертвование, структура идеала может быть сформулирована следующим образом: самопожертвование — нужно, самоубийство — нельзя. Антиидеал будет выглядеть как его зеркальное отображение: самопожертвование — нельзя, самоубийство — нужно. Согласно теории А.Г. Козинцева, обе эти области должны уравнивать друг друга. Чем весомее и сильнее идеал, тем больше в обществе возникает потребность в антиидеале. Между ними располагается смеховое поведение (здесь важно отметить, что автор рассматривал смех как более широкое и первичное по отношению к юмору явление) — область свободы, определяемая следующей формулой: «Что бы мы сейчас ни делали и ни говорили — неправильно, но не принимайте этого всерьез» [19, с. 151]. Автор трактует смеховое поведение достаточно широко, относя к нему политические анекдоты, сквернословие, кощунственный фольклор и т.д. — их основной задачей становится поддержание равновесия между идеалом и антиидеалом: выражение сомнений, игровое нападение на идеал, не прибегая к инструментарию антиидеала. В случае с социальными нормами, регулируемыми самоубийством, одним из

компонентов области свободы становится суицидальный юмор. В качестве примера подобного юмора, затрагивающего наиболее сложные проблемы общественного отношения к самоубийству, можно привести мем, где один персонаж показывает другому фотографию Гитлера со словами: «Этот человек убил Гитлера!», на что получает ответ: «Достойно уважения». Вопрос, поднимаемый в этой шутке, может быть упрощенно сформулирован следующим образом: «Если плохой человек совершает самоубийство — это хорошо или плохо?» А его истоки могут быть обнаружены в противоречивых трактовках самоповешения Иуды христианскими мыслителями: является ли оно актом раскаяния (позитивная оценка) или не менее тяжким грехом, чем предательство своего учителя (негативная оценка) [13].

Необходимо отметить, что важной составляющей любого общественного табу является табу коммуникативное — общепринятая традиция избегать определенных слов, выражений или тем, которые могут быть неприятными для участников коммуникации [7]. Говоря о самоубийстве, Э. Гроллман указывает: «Слово “суицид” обычно произносится шепотом, оно не подходит для любой компании. Семья и друзья часто притворяются, что не слышат этого ужасного слова, даже когда оно произнесено» [9, с. 270]. На существование коммуникативного табу на тему суицида также указывают многочисленные рекомендации для СМИ по регуляции способов освещения информации о случаях самоубийств [22]. Можно предположить, что одной из функций суицидального юмора в общении является осмысление границ коммуникации. Его использование зачастую становится более терпимой и безопасной формой нарушения коммуникативного табу на тему самоубийства, нежели серьезное утверждение. В случае неоднозначной реакции слушателей всегда остается вариант сказать: «Я просто пошутил(а)».

Восприятие участниками общения шутки про самоубийство может зависеть и от специфики коммуникативной ситуации (на это указывает особая популярность суицидального юмора в подростковой интернет-коммуникации), и от конкретного юмористического содержания. К примеру, анекдот «Сегодня был отличный день — всего два раза хотелось умереть» может быть интерпретирован как игровое подкрепление суицидальной идеации, что в свою очередь может вызвать неприятные чувства у собеседника. С другой стороны, анекдот «Мой муж, будучи изрядно пьян, угрожал мне, если я уйду от него, покончить жизнь самоубийством... Размахивал слабительным и кричал: “Сейчас я наемся таблеток, и что ты будешь делать?”» может быть оценен как вполне приемлемый благодаря очевидной несостоятельности попытки самоубийства супруга. Возможно, для многих слушателей суицидальная тематика здесь выступит вторичной по отношению к «туалетной». Необходимо отметить, что вышеприведенные анекдоты отличаются по своей кульминации: в первом случае она может быть условно обозначена как «неожиданное внедрение идеи самоубийства» (желание умереть явно не соответствует оценке дня как отличного), во втором — «неожиданное разрушение идеи самоубийства» (размахивание слабительным не соответствует угрозе покончить с собой). Предположительно, классификация суицидального юмора на основании разных типов кульминаций может стать важным инструментом для лучшего понимания того, почему одни шутки про самоубийство могут оцениваться как более приемлемые, чем другие.

Таким образом, суицидальный юмор представляет собой сложный феномен коммуникации, существование которого необходимо вытекает из противоречивости

социальных норм, регулирующих суицидальное поведение (любое несоответствие, согласно модели Дж.М. Салса [54], потенциально может стать почвой для шутки). Функционируя как инструмент осмысления табу на акт самоубийства, он ставит перед человеком вопросы, которые могут быть сформулированы следующим образом: «Что такое суицид? В каких случаях он запрещен, допустим или желателен?». В отношении же коммуникативного табу его значение может быть обозначено следующими вопросами: «Могу ли я говорить о суициде? Что конкретно я могу о нем говорить? Могу ли я шутить на эту тему?»

Клинико-психологическое значение суицидального юмора

В настоящее время исследования особенностей юмора лиц с суицидальным риском представлены крайне ограниченно. Отмечается, что суицидальные пациенты предпочитают юмор на тему смерти [44] и склонны рассказывать интрапунитивные анекдоты, в которых главный персонаж каким-либо образом страдает [53], что отражает общую аутоагрессивную направленность суицидального поведения. При этом интересно, что у пациентов с депрессивным синдромом, напротив, было отмечено неприятие анекдотов на тему болезни и смерти [16]. Исследователи [46; 55] также указывают на изменения стилевого характера юмора, сопровождающие суицидальную идеацию: снижение употребления юмора в аффилиативном (направленном на установление и развитие социальных контактов) и самоподдерживающем (совладающем) ключе; повышение частоты обращения к самоуничижительному юмору (выставление себя в смешном и невыгодном свете ради снискания расположения других).

Что касается юмора суицидальной тематики, то на сегодняшний день была предпринята лишь одна попытка эмпирической проверки гипотезы о том, что подобный юмор может быть использован в самоподдерживающем и аффилиативном ключе (обмениваясь суицидальными шутками и мемами, участники коммуникации могут получать возможность выразить негативные переживания и установить контакт с людьми, сталкивающимися с похожими жизненными трудностями). Проведенный опрос [45] основывался на Шкале суицидального юмора (Suicidal Humor Scale, SHS), разработанной авторами на базе опросника стилей юмора Р. Мартина (вопросы были переформулированы следующим образом: например, «Когда я расстроен, я могу подбодрить себя, пошутив о депрессии или самоубийстве»). Результаты гипотезу опровергли: полученные данные указывают на то, что суицидальный юмор может функционировать исключительно в самоуничижительном или агрессивном стиле. Важно отметить, что участниками исследования стали условно здоровые респонденты, что не позволяет экстраполировать полученные данные на клиническую группу суицидального риска.

Идея о высоком совладающем потенциале юмора широко распространена [например, 24], поэтому логично предположить, что и суицидальный юмор может обладать функцией копинга. Эмпирические исследования черного юмора позволяют прийти к выводу о том, что в обычной жизни он составляет относительно небольшую долю во всем разнообразии комического, его использование выбивается из ряда вон и многих шокирует. Однако в экстремальных ситуациях [35] или в условиях «профессий особого риска», связанных с экстремальными переживаниями [42; 43], именно черный юмор играет значительную роль в совладании со стрессом. По

аналогии можно предположить, что в обычной ситуации суицидальный юмор используется относительно редко и может рассматриваться как маркер присутствия суицидальной идеации. Однако в условиях кризиса (например, в группе повышенного суицидального риска) именно эта разновидность юмора может выполнять адаптивную роль. Также важно отметить, что совладающий эффект юмора связан с оптимизмом [24; 58], а развитие оптимистичного взгляда на жизнь в свою очередь рассматривается как один из центральных компонентов в программах психореабилитации суицидентов [29].

Говоря о значении суицидального юмора в контексте суицидального поведения, необходимо учитывать, что большинство суицидальных попыток не происходят спонтанно (так называемые молниеносные суициды встречаются довольно редко), а являются результатом длительного процесса формирования суицидального поведения, который включает следующие этапы: досуицидальный (временные нарушения настроения, суицидальная идеация отсутствует), пресуицидальный (последовательное появление суицидальных мыслей, замыслов и намерений), суицидальный (реализация действий) и постсуицидальный (если суицидальная попытка не была летальной) [26]. Этот процесс характеризуется борьбой мотивов, причем часть из них может быть скрыта как от самого суицидента, так и от специалистов, и составлять «закадровую работу психики» [13, с. 431].

Взаимосвязь социальных норм и суицидальной мотивации отмечалась Э. Дюркгеймом [12], которому принадлежит классическая классификация самоубийств, где среди прочих были выделены эгоистический суицид (недостаточная интеграция человека с обществом, нарушение суицидального запрета) и альтруистический суицид (чрезмерная интеграция, следование суицидальному предписанию). Несмотря на то что на сегодняшний день большинство суицидологов склоняются к тому, что роль психических расстройств является преобладающей в суицидальном поведении (доля лиц с психическими отклонениями среди суицидентов достигает 90% [57]), многие исследователи продолжают указывать на важное значение социальных норм в формировании суицидальной мотивации [41; 52]. Можно сделать предположение, что суицидальный юмор как инструмент осмысления табу на самоубийство будет вносить особый вклад в борьбу мотивов «быть или не быть». В качестве примера можно привести мем, где главный персонаж отказывается от самоубийства потому, что вышла новая серия любимого аниме. Вероятно, на уровне индивидуального восприятия человека с суицидальной идеацией эта шутка будет обращаться к аномическому мотиву (потеря смысла жить) [6], результатом чего может стать как ослабление этого мотива в структуре суицидального поведения (новая серия аниме действительно оценивается как повод жить), так и усиление (аниме как единственный повод не совершать самоубийство еще больше подчеркивает потерю смысла жизни), или сохранение его неизменным (вышеуказанные эффекты уравновешивают друг друга или шутка не находит эмоционального отклика). Подобные шутки могут представлять собой своеобразный способ размышления (зачастую неосознаваемого) о возможности самоубийства на разных этапах суицидального поведения, на что косвенно указывает предпочтение мемов суицидально-депрессивной тематики лицами с депрессивной симптоматикой [34; 38].

Исследователи юмора особо подчеркивают, что шутка не имеет конкретного серьезного значения, но, напротив, ее задача заключается в уничтожении значения.

М.В. Бороденко рассматривает комическое как совокупность контрзнаков, «сотворяющих неопределенность» и расчищающих поле для нового смысла [3]. Юмор является пустым знаком, который ничего не означает, его смысл — создание семантического вакуума, который прерывает стереотипный ход действий или мысли [39]. Контрзнаки являются средствами саморазвития культуры в индивидуальном и общественном сознании. А.Г. Козинцев также указывает на антиреферентивную функцию комического: все, что попадает внутрь комического фрейма, утрачивает для нас знаковую функцию [20]. Однако важно, что «сырьем» для юмора являются как раз знаки и значения. Причиной удовольствия от юмора является, по его мнению, утрата знаком знаковости, а субъектом — вовлеченности, т.е. возникает понимание, что все это понарошку, не на самом деле. И это как раз тот переход, при котором суицидальный юмор может приобретать терапевтический эффект.

Необходимо отметить, что некоторые исследователи указывают на особую опасность обращения к юмору на стадии реализации суицидальных намерений. Анализируя самоубийства литературных персонажей и реальные случаи из клинической практики, В.С. Ефремов показывает, что «зловещий смех» (по всей видимости, речь идет о патологическом смехе, появление которого обусловлено недостаточностью или дисгармоничностью личностной регуляции, нарушением связи человека с миром вокруг [11]), зачастую является куда более серьезным индикатором суицидального риска, чем плач и жалобы, и носит функцию, аналогичную алкогольному опьянению [13]. Предполагается, что употребление алкоголя, обостряя внутриличностные конфликты, агрессивность и демонстративность, благоприятствует переходу от намерений к действиям [30]. Аналогичным образом и смех на этом этапе суицидального поведения трактуется как способ «напиться храбрости». В качестве иллюстрации можно привести шутовую игру с пистолетом и смех Вертера («Страдания юного Вертера», И.В. Гете); «шутку-эвфемизм» Свидригайлова (персонаж «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского) про отъезд в Америку, под которым понимался суицид; суицидальную записку дочери А.И. Герцена, написанную в ироничном тоне: «Предпринимаю длинное путешествие. Если самоубийство не удастся, то пусть соберутся все отпраздновать мое воскресение из мертвых с бокалами Клико...» [13, с. 150].

При этом существуют и другие примеры, где юмор и смех на стадии реализации суицидальных намерений, напротив, играют спасительную роль: стендап-комедиантка Э.Э. Уэйт указывает на то, что именно дебют на сцене с юмористическим монологом заставил ее изменить решение покончить с собой (по ее словам, на тот момент суицидальное намерение уже было сформировано, оружие самоубийства — пистолет — находилось в ее распоряжении) [56]. Подобная регуляторная роль юмора может быть объяснена способностью юмористического материала вмещать в себя страхи, тревоги и другие негативные аффекты, что было продемонстрировано в исследовании М.В. Бороденко [3]: сопоставление рисунков «смешного человека» и просто «человека» двух клинических групп (больных логоневрозом и алкоголизмом) выявило преобладание признаков тревоги и страха в рисунках «смешного человека» в обеих группах. Также важной особенностью юмора, обеспечивающей его регуляторную функцию в экстремальных условиях, является его условность и «надситуативность» [10]. По всей видимости, в состоянии острого стресса суицидальная шутка может становиться безопасным «контейнером», где размещаются и проживаются негативные эмоциональные состояния, или «громоотводом» для

разрядки непереносимого аффекта — душевной боли, являющейся одним из факторов риска суицидального поведения [36].

Влияние юмора не исчерпывается своим аффективным воздействием. Отечественное исследование [21] показало, что предварительная экспозиция юмористического материала уменьшала время решения творческих задач. Авторы объясняют подобный эффект совместной работой аффективного и когнитивного компонентов юмора: аффективный компонент обеспечивает возможность обхода внутренних рамок и запретов за счет снижения страха ошибиться; когнитивный — настраивает на более внимательное изучение признаков, правил, противоречий, заложенных в структуре задачи. Юмористическая фасилитация решения задач становится особенно актуальной в контексте суицидального поведения, так как недостаток дивергентного мышления (метод решения творческих задач без готовой схемы) и когнитивная ранимость (ригидность мышления, трудности в решении проблем) рассматриваются как одни из предикторов суицида [36]. Поэтому как восприятие, так и генерирование людьми с суицидальным риском юмора, в том числе и юмора суицидальной тематики, может помочь им в компенсации этих факторов.

Важным аспектом юмора в целом является его политематичность. То же касается и юмора суицидального — как правило, он затрагивает не только тему самоубийства. В анекдоте «пошла как-то Аленушка в Москва-реку топиться — заодно и отравилась» первая когнитивная схема выстраивается вокруг идеи самоубийства; вторая, являющаяся кульминацией, казалось бы, формально также относится к самоубийству, однако ее имплицитное содержание касается загрязненности Москва-реки. Вероятно, наличие суицидальной идеации, среди прочих факторов, будет оказывать значительное влияние на индивидуальную интерпретацию данной шутки: при отсутствии мыслей о самоубийстве тема загрязнения воды выступит основной; при достаточной выраженности этих мыслей основной может оказаться тема самоубийства. Более того, вследствие сужения интеллектуальных возможностей и захваченности суицидальными фантазиями, характерных для пресуицидального периода [26], человеку с суицидальной идеацией может понадобиться большее количество времени для понимания имплицитного содержания кульминации, или он может не понять его вовсе, обнаружив комичность, например, в использовании двух способов для самоубийства вместо одного. Таким образом, особенности индивидуальной интерпретации политематичного юмора, в котором одной из тем является суицид, могут быть важным индикатором суицидального риска. Эта гипотеза представляет значительный практический интерес, так как открывает возможности применения суицидального юмора как стимульного материала в психодиагностике. Также можно предположить, что первоначально обращение к суицидальному юмору является отражением «суицидальной деятельности» [25], но расширение спектра задействованных в подобном юморе тем может приводить к сдвигу мотива на цель: формированию альтернативных мотивов и последующему переструктурированию мотивационной иерархии. Отдельно стоит отметить, что политематичность многих суицидальных шуток открывает путь к объяснению того, почему люди без суицидальной идеации могут находить подобный юмор смешным: самоубийство здесь может выступать как некий абстрактный символ, относительно которого выстраиваются другие когнитивные схемы, имеющие к суициду лишь очень косвенное отношение.

Как известно, подростковый возраст является очень важным этапом в выработке системы нормативной регуляции, осмыслении тех аспектов жизни, где от человека требуется строгое следование социальным нормам (в том числе нормам табу). Также он рассматривается как фактор риска проявления девиантного поведения [15]. Одной из форм подобного поведения становятся суициды, которые являются третьей по частоте причиной смерти в возрастной группе 15–19 лет [57] и вызывают широкий общественный резонанс. Именно поэтому популярность суицидального юмора в подростковой интернет-коммуникации привлекает особенно пристальное внимание специалистов в области психического здоровья: отечественное исследование [28] показало, что наличие подписок на группы, публикующие контент суицидальной тематики, может рассматриваться как один из индикаторов пресуицидального состояния.

Одно из объяснений причин обращения подростков к суицидальному юмору может заключаться в особенностях отношений между подростком и семейным окружением в этот возрастной период. Как уже отмечалось, И.А. Бутенко, анализируя значение садистических стишков, персонажи которых являются членами одной семьи и убивают друг друга, указывает на то, что они являются игровым способом выражения сепарационной тревоги, особенно актуальной для подросткового возраста [5]. Опираясь на трактовку самоубийства как альтернативы убийству объекта привязанности [40], можно предположить, что суицидальный юмор аналогичным образом становится инструментом выражения амбивалентных переживаний подростка: зависимости от семьи и желания от нее избавиться. С этой позиции существование игровой агрессии (садистический юмор) или игровой аутоагрессии (суицидальный юмор) обусловлено одними и теми же внутрисемейными процессами, причем важно отметить, что их использование характерно не только для подростков, но и для их родителей. Достаточно вспомнить расхожие формулировки, обычно приписываемые матерям, которые могут употребляться в юмористическом контексте: «если заболеешь — убью», «потеряешься — домой не приходи», «смерти моей хочешь». Дополнительной функцией как суицидального, так и садистического юмора становится формирование принадлежности к подростковой референтной группе, для многих членов которой этот этап взросления сопряжен с очень сложными, амбивалентными переживаниями.

Особую роль в исследовании причин подростковых суицидов и возможных мер их профилактики играет представление о том, что определенные формы упоминания самоубийства (романтизирующие, оценивающие его позитивно) могут носить суицидогенный потенциал, провоцируя самоубийства по принципу подражания [22]. Зачастую эта модель экстраполируется и на суицидальный юмор, что представляется недостаточно обоснованным, так как принципиальной характеристикой любой шутки является совмещение в ней двух и более когнитивных схем, находящихся в оппозиции друг к другу [54]. Благодаря этому выстраивание юмористического нарратива, в котором самоубийству давалась бы однозначно положительная (суицидогенный потенциал) или отрицательная (антисуицидальный потенциал) оценка, невозможно по определению. Предположительно, соотношение этих двух потенциальных влияний шутки про самоубийство на человека будет зависеть от ряда факторов: 1) особенностей индивидуального восприятия; 2) специфики коммуникативной ситуации; 3) юмористического содержания. Выявление условий, при которых антисуицидальный потенциал будет превышать суицидогенность, представляет

значительный практический интерес для специалистов в области психического здоровья.

Ограничения и перспективы исследования

Основное ограничение настоящего теоретического исследования состоит в дефиците существующих на данный момент эмпирических работ, посвященных юмору суицидальной тематики, вследствие чего значительная часть выдвинутых предположений относительно взаимосвязи суицидального юмора и суицидального поведения остаются недостаточно обоснованными и подлежат верификации. В свете высокой социальной значимости суицидов эта научная область требует глубокого и всестороннего изучения. Особую актуальность здесь приобретают клинические исследования, которые на сегодняшний день практически отсутствуют. В частности, наиболее перспективными представляются исследования с участием респондентов из групп повышенного суицидального риска. При этом при организации эмпирических работ в рамках данной проблематики необходим более дифференцированный подход к суицидальному юмору (например, выделение шуток с разными типами кульминаций).

Заключение

Одним из вызовов XXI века, стоящих перед специалистами в области психического здоровья, становится изучение различных форм коммуникаций в Интернете, среди которых суицидальный юмор привлекает особое внимание и вызывает озабоченность общества. Взаимосвязь популярности подобного юмора с депрессией и суицидальной идеацией зачастую трактуется с позиции его суицидогенного потенциала, что представляется довольно однобоким взглядом на проблему. Не отрицая способности суицидальной шутки усилить формирование суицидального поведения и подтолкнуть к самоубийству, можно предположить, что зачастую эффект может быть и обратный: ее влияние на уровень значимости мотивационных компонентов в структуре суицидального поведения может привести к тому, что человек примет решение продолжить жить. Выявление критериев и условий, при которых суицидальный юмор будет функционировать подобным образом, представляет собой перспективное поле исследований для специалистов, так как открывает возможности его применения в психотерапии и психосоциальном образовании. Также в последние годы появляются новые подходы к диагностике суицидального риска, основанные на скрининге электронных записей пациентов, сообщений в социальных сетях, пассивном мониторинге смартфонов и т.п. [48]. В этом отношении анализ суицидального юмора может иметь особое значение как для диагностики, так и для профилактики суицидального поведения.

Литература

1. *Артемова Ю.А.* Ипостаси смеха. Ритуал, традиция, юмор. М.: Смысл, 2015. 240 с.
2. *Белицкий М.Э.* Соотношение общечеловеческой морали и морали государственных служащих // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2019. № 13. С. 453–455.

3. *Бороденко, М.В.* Два лица Януса-смеха. Учебное пособие. Р. н/Д: РИО АО «Цветная печать», 1995. 86 с.
4. *Бретон А.* Психопаты шутят. Антология черного юмора. М.: Алгоритм, 2018. 384 с.
5. *Бутенко И.А.* Из истории «черного юмора» // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 148–153.
6. *Вагин Ю.Р.* Авитальная активность (злоупотребление психоактивными веществами и суицидальное поведение у подростков). Пермь: ПРИПИТ, 2001 292 с.
7. *Владимирова С.В., Данилова М.А.* Коммуникативное табу в англо- и русскоязычной лингвокультурах // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 10. С. 105–110. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/10/Vladimirova.pdf> (дата обращения: 01.07.2023)
8. *Галинская И.Л., Ашихманова Н.А.* Трансформация ценностей в концептосфере постмодернизма // Культурология. 2015. № 3 (74). С. 46–48.
9. *Гроллман Э.* Суицид: превенция, интервенция, поственция // Суицидология: прошлое и настоящее: Проблема самоубийств в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах, 2-е изд. / под ред. А.Н. Моховикова, стереотипное. М.: Когито-Центр, 2013. С. 270–352.
10. *Дедов Н.П.* Диагностирующая и регулирующая роль юмора в экстремальных условиях. Дис. канд. психол. наук: 19.00.01. М., 2000. 224 с.
11. *Домбровская И.С.* Юмор в контексте психологической практики // Консультативная психология и психотерапия. 2011. Том 19. № 1. С. 95–108. URL: https://psyjournals.ru/en/journals/cpp/archive/2011_n1/36742 (дата обращения: 01.07.2023)
12. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. М.: АСТ, 2022. 512 с.
13. *Ефремов В.С.* Самоубийство в художественном мире Достоевского. СПб.: Диалект, 2008. 584 с.
14. *Задорнов М.* Концерт «SMS. Гламур. Окей!» [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zKYPsdyFGcM&t> (дата обращения: 01.07.2023)
15. *Захарова Л.С.* Критерии социально-нормативного оценивания у подростков // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2021. № 1 (55). С. 122–132. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-55-1-264
16. *Иванова Е.М., Ениколопов С.Н.* Психопатология и чувство юмора // Современная терапия психических расстройств. 2009. № 1. С. 19–24. URL: <https://ctmd.psypharma.ru/index.php/ctmd/article/view/202> (дата обращения: 01.07.2023)
17. *Камю А.* Миф о Сизифе: Эссе об абсурде // Сумерки богов: сборник / под ред. А.А. Яковлевой. М.: Политиздат, 1989. С. 222–318.
18. *Кебуладзе В.* Феноменология черного юмора // Докса. Логос і праксис сміху. 2004. Вип. 5. С. 71–79.

19. Козинцев А.Г. Смех и антиповедение в России: национальная специфика и общечеловеческие закономерности // Смех: истоки и функции / под ред. А.Г. Козинцева. СПб: Наука, 2002. С. 147–174.
20. Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб: Алетейя, 2007. 234 с.
21. Коровкин С.Ю., Никифорова О.С. Когнитивные и аффективные механизмы юмористической фасилитации решения творческих задач // Экспериментальная психология. 2014. Том 7. № 4. С. 37–51. URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2014_n4/exppsy_2014_n4_72899.pdf (дата обращения: 01.07.2023)
22. Любов Е.Б. Роль СМИ в профилактике суицидального поведения // Национальное руководство по суицидологии / Под ред. Б.С. Положего. М.: Медицинское информационное агентство, 2019. С. 512–534.
23. Любов Е.Б. Экскурс в историю отношения общества к суициду // Национальное руководство по суицидологии / Под ред. Б.С. Положего. М.: Медицинское информационное агентство, 2019. С. 12–39.
24. Мартин Р. Психология юмора / Под ред. Л.В. Куликова (Серия «Мастера психологии»). СПб.: Питер, 2009. 480 с.
25. Мидько А.А., Розанов В.А., Вассерман Д. и др. Феномен безнадежности и мотивационные аспекты самоповреждающего поведения у лиц, совершивших суицидальные попытки // Вісник Одеського національного університету. Психологія. 2011. Том. 16. № 7. С. 132–145.
26. Положий Б.С. Динамика формирования суицидального поведения (суицидальный процесс) // Национальное руководство по суицидологии / Под ред. Б.С. Положего. М.: Медицинское информационное агентство, 2019. С. 225–229.
27. Положий Б.С. Суицидология как междисциплинарная область знаний // Национальное руководство по суицидологии / Под ред. Б.С. Положего. М.: Медицинское информационное агентство, 2019. С. 40–49.
28. Пономарева Е.С., Делибалт В.В. Индикаторы пресуицидального состояния несовершеннолетних в интернет-пространстве // Психология и право. 2021. Том 11. № 3. С. 47–61. DOI: 10.17759/psylaw.2021110304
29. Розанов В.А., Семенова Н.В., Самерханова К.М. и др. Программы превенции самоубийств (систематический обзор русскоязычных источников). Суицидология. 2023. Том 14. № 1. С. 38–64. DOI: 10.32878/suiciderus.23-14-01(50)-38-64
30. Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.
31. Сахаров А.В., Говорин Н.В. Суицидальное поведение и потребление алкоголя: оценка взаимосвязей на популяционном уровне // Суицидология. 2015. Том 6. № 2 (19). С. 35–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suitsidalnoe-povedenie-i-potreblenie-alkogolya-otsenka-vzaimosvyazey-na-populyatsionnom-urovne> (дата обращения: 01.07.2023)

32. *Складчикова В.* «Вика Складчикова про отношения StandUp на ТНТ» [Электронный ресурс]. 2020 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VFy9XTSpU90> (дата обращения: 01.07.2023)
33. *Тирских М.Г., Черняк Л.Ю.* Стереотипизация социального поведения: правовые и иные социальные регуляторы общественных отношений // Академический юридический журнал. 2009. № 3 (37). С. 4–11.
34. *Файнтух Е.Д., Холмогорова А.Б.* Коммуникация на тему депрессии в Интернете - фактор психопатологии или ресурс для психотерапии? // Современная терапия психических расстройств. 2021. № 1. С. 44–54. DOI: 10.21265/PSYPH.2021.39.62.006
35. *Цветков А.В.* Черный юмор против терроризма. М.: Спутник+, 2007. 43 с.
36. *Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Магурдумова Л.Г.* Медико-психологические и социально-психологические концепции суицидального поведения // Суицидология. 2013. № 3 (12). С. 26–36.
37. *Шмелева Н.Л.* Понятие «черный юмор» и его функционально-стилистические особенности // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8 (27). С. 210–212. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2009_8-2_88.pdf (дата обращения: 01.07.2023)
38. *Akram U., Drabble J., Cau G. et al.* Exploratory study on the role of emotion regulation in perceived valence, humour, and beneficial use of depressive internet memes in depression // Scientific Reports. 2020. Vol. 10 (1). p. 899. DOI: 10.1038/s41598-020-57953-4
39. *Borodenko M., Petrovsky V.* The semiology of humour: developing the “counter-sign” model // European Journal of Humour Research. 2021. Vol. 9 (2). P. 7–25. DOI: 10.7592/EJHR2021.9.2.553
40. *Bowlby J.* Child care and the growth of love. Baltimore, MD: Penguin Books, 1965. 256 p.
41. *Chen J., Huang S.C.* Suicide, aging and permanent income: A social norms approach // Social Indicators Research. 2020. Vol. 150. P. 867–885. DOI: 10/1007/s11205-020-02359-y
42. *Christopher S.* An introduction to black humour as a coping mechanism for student paramedics // Journal of Paramedic Practice. 2015. Vol. 7 (12). P. 610–615. DOI: 10.12968/jpar.2015.7.12.610
43. *Dangermond K., Weewer R., Duyndam J. et al.* “If it stops, then I’ll start worrying”. Humor as part of the fire service culture, specifically as part of coping with critical incidents // Humor – International Journal of Humor Research. 2022. Vol. 35 (1). P. 31–50. DOI: 10.1515/humor-2021-0106
44. *Goldsmith L.A.* The capacity for adaptive regression and humor and its relation to suicide lethality / L. Bellak, L.A. Goldsmith (eds.) // The Broad Scope of Ego Function Assessment. New York: Wiley, 1984. P. 362–375.
45. *Hart J.C., Richman S.B.* Why do we joke about killing ourselves? Suicide, stigma, and humor // Modern Psychological Studies. 2020. Vol. 25. № 2. Article 4. URL: <https://scholar.utc.edu/mps/vol25/iss2/4> (Accessed: 01.07.2023)

46. Lee C.Y., Chiang Y.C., Li A. et al. Influence of humor expression on suicidal ideation among adolescents: Mediating effects of depressive emotion and positive emotion // *BMC Psychiatry*. 2020. Vol. 20 (421). DOI: 10.1186/s12888-020-02814-7
47. Lee R. Modernity, mortality and re-enchantment: The death taboo revisited // *Sociology*. 2008. Vol. 42 (4). P. 745–759. DOI: 10.1177/0038038508091626
48. Mann J.J., Michel C.A., Auerbach R.P. Improving suicide prevention through evidence-based strategies: A systematic review // *American Journal of Psychiatry*. 2021. Vol. 178 (7). P. 611–624. DOI: 10.1176/appi.ajp.2020.20060864
49. Martin R., Kuiper N., Olinger L. et al. Humor, coping with stress, self-concept, and psychological well-being // *Humor – International Journal of Humor Research*. 1993. Vol. 6 (1). P. 89–104. DOI: 10.1515/humr.1993.6.1.89
50. Monro D.H. *Argument of laughter*. Hassell Street Press, 2021. 276 p.
51. Paton G.E.C. The comedian as a portrayer of social morality / C. Powell, G.E.C. Paton (eds.) // *Humor in Society: Resistance and Control*. L.: Macmillan, 1988. P. 206–233. DOI: 10.1007/978-1-349-19193-2_10
52. Quigley J., Rasmussen S., McAlaney J. The social norms of suicidal and self-harming behaviours in Scottish adolescents // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2017. Vol. 14 (3). P. 307. DOI: 10.3390/ijerph14030307
53. Spiegel D., Brodtkin S.G., Keith-Spiegel P. Unacceptable impulses, anxiety and the appreciation of cartoons // *Journal of Projective Techniques and Personality Assessment*. 1969. Vol. 33 (2). P. 154–159. DOI: 10.1080/0091651
54. Suls J.M. A two-stage model for the appreciation of jokes and cartoons: An information-processing analysis / J.H. Goldstein, P.E. McGhee (eds.) // *The Psychology of Humor: Theoretical Perspectives and Empirical Issues*. New-York: Academic Press, 1972. P. 81–100. DOI: 10.1016/B978-0-12-288950-9.50010-9
55. Tucker R.P., Wingate L.R., O'Keefe V.M., et al. The moderating effect of humor style on the relationship between interpersonal predictors of suicide and suicidal ideation // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 54 (5). P. 610–615. DOI: 10.1016/j.paid.2012.11.023
56. Waith E.E. Stand-up comedy saved my life. Literally. URL: <https://www.narratively.com/p/stand-up-comedy-saved-my-life-literally> (Accessed: 01.07.2023)
57. World Health Organization. Preventing suicide: A global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 92 p. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241564779> (Accessed: 01.07.2023)
58. Yue X.D., Hao X., Goldman G.L. Humor styles, dispositional optimism, and mental health among undergraduates in Hong Kong and China // *Journal of Psychology in Chinese Societies* 《華人心理學報》. 2010. Vol. 11. № 2. P. 61–68.

References

1. Artemova Y.A. Ipostasi smekha. Ritual, traditsiya, yumor [Incarnations of laughter. Ritual, tradition, humor]. Moscow: Smysl, 2015. 240 p. (In Russ.).
2. Belitsky M.E. Sootnoshenie obshchechelovecheskoi morali i morali gosudarstvennykh sluzhashchikh [Relationship of common human morality and morality of state employees]. *Nauchno-obrazovatel'nyi potentsial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka = Youth Scientific and Educational Potential in Solving Actual Problems of the XXI Century*, 2019, no. 13, pp. 453–455. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Borodenko M.V. Dva litsa Yanusa-smekha [Two faces of Janus-laughter]. Tutorial. Rostov-on-Don: Tsvetnaya pechat', 1995. 86 p. (In Russ.).
4. Breton A. Psikhopat'y shutyat. Antologiya chernogo yumora [Psychopaths joke. Anthology of black humor]. Moscow: Algoritm, 2018. 384 p. (In Russ.).
5. Butenko I.A. Iz istorii «chernogo yumora» [From the history of “black humor”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1994, no. 5, pp. 148–153 (In Russ.).
6. Vagin Yu.R. Avital'naya aktivnost' (zloupotrebleniye psikhoaktivnymi veshchestvami i suitsidal'noe povedeniye u podrostkov) [Antivital activity (substance abuse and suicide behavior among adolescents)]. Perm: PRIPIT, 2001. 292 p. (In Russ.).
7. Vladimirova S.V., Danilova M.A. Kommunikativnoye tabu v anglo- i russkoyazychnoi lingvokul'turakh [Communicative taboo in English and Russian linguocultures]. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*, 2021, no. 10, pp. 105–110. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/10/Vladimirova.pdf> (Accessed: 01.07.2023). (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Galinskaya I.L. Ashikhmanova N.A. Transformatsiya tsennosti v kontseptsionnoy postmodernizma. *Kul'turologiya = Culturology. Digest*, 2015, no. 3 (74), pp. 46–48. (In Russ.).
9. Grollman E. Suitsid: preventsiya, intervensiya, postventsiya [Suicide: prevention, intervention, postvention]. In A.N. Mohovikov (ed.), *Suitsidologiya: proshloe i nastoyashchee: Problema samoubiystv v trudakh filosofov, sotsiologov, psikhoterapevtov i v khudozhestvennykh tekstakh = Suicidology: Past and present: The problem of suicide in the works of philosophers, sociologists, psychotherapists and in literary texts.*, 2nd ed. Moscow: Cogito-centre 2013, pp. 270–352. (In Russ.).
10. Dedov N.P. Diagnostiruyushchaya i reguliruyushchaya rol' yumora v ehkstremal'nykh usloviyakh [The diagnostic and regulating role of humor in extreme conditions]. PhD (Psychology) Dissertation. Moscow, 2000. 224 p. (In Russ.).
11. Dombrovskaya I.S. Yumor v kontekste psikhologicheskoi praktiki [Humor in the context of psychological practice]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2011, vol. 19, no. 1, pp. 95–108. URL: https://psyjournals.ru/en/journals/cpp/archive/2011_n1/36742 (Accessed: 01.07.2023). (In Russ.).
12. Durkheim E. Samoubiystvo [Suicide]. Moscow: ACT, 2022. 512 p. (In Russ.).

13. Efremov V.S. Samoubiistvo v khudozhestvennom mire Dostoevskogo [Suicide in the artistic world of Dostoevsky]. Saint Petersburg: Dialekt, 2008. 584 p. (In Russ.).
14. Zadornov M. Kontsert «SMS. Glamur. Okei!» [Concert “SMS. Glamour. Okey!”]. 2008. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zKYPsdyFGcM&t> (In Russ.).
15. Zakharova L.S. Kriterii sotsial'no-normativnogo otsenivaniya u podrostkov [Criteria for social and normative assessment among adolescents]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*, 2021, no. 1 (55), pp. 122–132. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-55-1-264 (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Ivanova E.M., Enikolopov S.N. Psikhopatologiya i chuvstvo yumora [Psychopathology and sense of humor]. *Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstroistv = Current Therapy of Mental Disorders*, 2009, no. 1, pp. 19–24. URL: <https://ctmd.psypharma.ru/index.php/ctmd/article/view/202> (Accessed: 01.07.2023). (In Rus.).
17. Camus A. Mif o Sizife: Ehsse ob absurde [The Myth of Sisyphus: An Essay on the Absurd]. In A.A. Yakovleva (ed.), *Sumerki bogov: sbornik = Twilight of the Gods: a collection*. Moscow: Politizdat, 1989. Pp. 222–318. . (In Russ.).
18. Kebuladze V. Fenomenologiya chernogo yumora [Phenomenology of black humor]. *Doksa. Logos i praksis smikhu = Doxa. Logos and Praxis of Laughter*, 2004, vol. 5. pp. 71–79. (In Russ.).
19. Kozintsev A.G. Smekh i antipovedenie v Rossii: natsional'naya spetsifika i obshchechelovecheskie zakonomernosti [Laughter and anti-behavior in Russia: National specifics and universal patterns]. In A.G. Kozintsev (ed.), *Smekh: istoki i funktsii = Laughter: Origins and functions*. Saint Petersburg: Nauka, 2002. Pp. 147–174. (In Russ.).
20. Kozintsev A.G. Chelovek i smekh [Human and laughter]. Saint Petersburg: Aleteiya, 2007. 234 p. (In Rus.).
21. Korovkin S.Y., Nikiforova O.S. Kognitivnye i affektivnye mekhanizmy yumoristicheskoi fasilitatsii resheniya tvorcheskikh zadach [Cognitive and affective mechanisms of creative problems solving facilitation by humor]. *Ehksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2014, vol. 7, no. 4, pp. 37–51. URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2014_n4/exppsy_2014_n4_72899.pdf (Accessed: 01.07.2023). (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Lyubov E.B. Rol' SMI v profilaktike suitsidal'nogo povedeniya [The role of media in the prevention of suicide behavior]. In B.S. Polozhiy (ed.), *Natsional'noe rukovodstvo po suitsidologii = National Suicidology Guide*. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo, 2019. Pp. 512–534. (In Russ.).
23. Lyubov E.B. Ehkskurs v istoriyu otnosheniya obshchestva k suitsidu [Journey into the history of society's attitude towards suicide]. In B.S. Polozhiy (ed.), *Natsional'noe rukovodstvo po suitsidologii = National Suicidology Guide*. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo, 2019. Pp. 12–39. (In Russ.).
24. Martin R. Psikhologiya yumora [Psychology of Humor]. In L.V. Kulikov (ed.), *Seriya «Mastera psikhologii» = Series «Masters of psychology»*. Saint Petersburg: Piter, 2009. 480 p. (In Russ.).

25. Mid'ko A.A., Rozanov V.A., Vasserman D. et al. Fenomen beznadezhnosti i motivatsionnye aspekty samopovrezhdayushchego povedeniya u lits, sovershivshikh suitsidal'nye popytki [The phenomenon of hopelessness and motivational aspects of self-damaging behavior among persons who have committed suicide attempts]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Psikhologiya = Scientific Bulletin of the Odessa National University. Psychology*, 2011, vol. 16, no. 7, pp. 132–145. (In Russ.).

26. Polozhiy B.S. Dinamika formirovaniya suitsidal'nogo povedeniya (suitsidal'nyi protsess) [Dynamics of suicidal behavior formation (suicide process)]. In B.S. Polozhiy (ed.), *Natsional'noe rukovodstvo po suitsidologii = National Suicidology Guide*. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo, 2019. Pp. 225–229. (In Russ.).

27. Polozhiy B.S. Suitsidologiya kak mezhdistsiplinarnaya oblast znaniy [Suicidology as interdisciplinary field of knowledge]. In B.S. Polozhiy (ed.), *Natsional'noe rukovodstvo po suitsidologii = National Suicidology Guide*. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo, 2019. Pp. 40–49. (In Russ.).

28. Ponomareva E.S., Delibalt V.V. Indikatory presuitsidal'nogo sostoyaniya nesovershennoletnikh v internet-prostranstve [Indicators of pre-suicidal state of minors in the Internet Space]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 47–61. DOI: 10.17759/psylaw.2021110304 (In Russ., abstr. in Engl.).

29. Rozanov V.A., Semenova N.B., Samerhanova K.M. et al. Programmy preventsii samoubiystv (sistemicheskiy obzor russkoyazychnykh istochnikov) [Suicide prevention programs (systematic review of Russian-language scientific sources)]. *Suitsidologiya = Suicidology (Russia)*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 38–64. DOI: 10.32878/suiciderus.23-14-01(50)-38-64 (In Russ., abstr. in Engl.).

30. Radcliff-Brown A. Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve [Structure and function in primitive society]. Moscow: «Vostochnaya literatura» RAS, 2001. 304 p. (In Russ.).

31. Sakharov A.V., Govorin N.V. Suitsidal'noe povedenie i potreblenie alkogolya: otsenka vzaimosvyazey na populyatsionnom urovne [Suicide behavior and alcohol: Estimation of correlations at the population level]. *Suitsidologiya = Suicidology (Russia)*, 2015, vol. 6, no. 2 (19), pp. 35–46. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suitsidalnoe-povedenie-i-potreblenie-alkogolya-otsenka-vzaimosvyazey-na-populyatsionnom-urovne> (Accessed: 01.07.2023). (In Russ., abstr. in Engl.).

32. Skladchikova V. «Vika Skladchikova pro otnosheniya StandUp na TNT» [«Vika Skladchikova about relationships StandUp na TNT»]. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VFy9XTSpU90> (Accessed: 01.07.2023). (In Russ.).

33. Tirskikh M.G., Chernyak L.Yu. Stereotipizatsiya sotsial'nogo povedeniya: pravovye i inye sotsial'nye regulatory obshchestvennykh otnoshenii [Stereotyping of social behavior: Legal and other social regulators of social relationships]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academical Law Journal*, 2009, no. 3 (37), pp. 4–11. (In Russ., abstr. in Engl.).

34. Faintukh E.D., Kholmogorova A.B. Kommunikatsiya na temu depressii v Internetе - faktor psikhopatologii ili resurs dlya psikhoterapii? [Communication about depression on the Internet – factor of psychopathology or resource for psychotherapy?]. *Sovremennaya*

terapiya psikhicheskikh rasstroistv = Current Therapy of Mental Disorders, 2021, no. 1, pp. 44–54. DOI: 10.21265/PSYPH.2021.39.62.006 (In Russ., abstr. in Engl.).

35. Tsvetkov A.V. Chernyi yumor protiv terrorizma [Dark humor against terrorism]. Moscow: Sputnik+, 2007. 43 p. (In Russ.).

36. Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N., Magurdumova L.G. Mediko-psikhologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie kontseptsii suitsidal'nogo povedeniya [Medical and socio-psychological approaches to suicidal behavior]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2013, no. 3 (12), pp. 26–36. (In Russ.).

37. Shmeleva N.L. Ponyatie «chernyi yumor» i ego funktsional'no-stilisticheskie osobennosti [The concept of “black humor” and its functional and stylistic features]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya = Almanac of Modern Science and Education*, 2009, no. 8 (27), pp. 210–212. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2009_8-2_88.pdf (Accessed: 01.07.2023) (In Russ.).

38. Akram U., Drabble J., Cau G. et al. Exploratory study on the role of emotion regulation in perceived valence, humour, and beneficial use of depressive internet memes in depression. *Scientific Reports*, 2020, vol. 10 (1), p. 899. DOI: 10.1038/s41598-020-57953-4

39. Borodenko M., Petrovsky V. The semiology of humour: Developing the “counter-sign” model. *European Journal of Humour Research*, 2021. Vol. 9 (2), pp. 7–25. DOI: 10.7592/EJHR2021.9.2.553

40. Bowlby J. Child care and the growth of love. Baltimore, MD: Penguin Books, 1965. 256 p.

41. Chen J., Huang S.C. Suicide, aging and permanent income: A social norms approach. *Social Indicators Research*, 2020, vol. 150, pp. 867–885. DOI: 10/1007/s11205-020-02359-y

42. Christopher S. An introduction to black humour as a coping mechanism for student paramedics. *Journal of Paramedic Practice*, 2015, vol. 7 (12), pp. 610–615. DOI: 10.12968/jpar.2015.7.12.610

43. Dangermond K., Weewer R., Duyndam J. et al. “If it stops, then I’ll start worrying”. Humor as part of the fire service culture, specifically as part of coping with critical incidents. *Humor – International Journal of Humor Research*, 2022, vol. 35 (1), pp. 31–50. DOI: 10.1515/humor-2021-0106

44. Goldsmith L.A. The capacity for adaptive regression and humor and its relation to suicide lethality. In L. Bellak, L.A. Goldsmith (eds.), *The Broad Scope of Ego Function Assessment*. NY: Wiley, 1984. Pp. 362–375.

45. Hart J.C., Richman S.B. Why do we joke about killing ourselves? Suicide, stigma, and humor. *Modern Psychological Studies*, 2020, vol. 25, no. 2, article 4. URL: <https://scholar.utc.edu/mps/vol25/iss2/4> (Accessed: 01.07.2023)

46. Lee C.Y., Chiang Y.C., Li A. et al. Influence of humor expression on suicidal ideation among adolescents: Mediating effects of depressive emotion and positive emotion. *BMC Psychiatry*, 2020, vol. 20 (421). DOI: 10.1186/s12888-020-02814-7

47. Lee R. Modernity, mortality and re-enchantment: The death taboo revisited. *Sociology*, 2008, vol. 42 (4), pp. 745–759. DOI: 10.1177/0038038508091626
48. Mann J.J., Michel C.A., Auerbach R.P. Improving suicide prevention through evidence-based strategies: A systematic review. *American Journal of Psychiatry*, 2021, vol. 178 (7), pp. 611–624. DOI: 10.1176/appi.ajp.2020.20060864
49. Martin R., Kuiper N., Olinger L. et al. Humor, coping with stress, self-concept, and psychological well-being. *Humor – International Journal of Humor Research*, 1993, vol. 6 (1), pp. 89–104. DOI: 10.1515/humr.1993.6.1.89
50. Monro D.H. *Argument of laughter*. Hassell Street Press, 2021. 276 p.
51. Paton G.E.C. The comedian as a portrayer of social morality. In C. Powell, G.E.C. Paton (eds.), *Humor in Society: Resistance and Control*. L.: Macmillan, 1988. P. 206–233. DOI: 10.1007/978-1-349-19193-2_10
52. Quigley J., Rasmussen S., McAlaney J. The social norms of suicidal and self-harming behaviours in Scottish adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2017, vol. 14 (3). P. 307. DOI: 10.3390/ijerph14030307
53. Spiegel D., Brodtkin S.G., Keith-Spiegel P. Unacceptable impulses, anxiety and the appreciation of cartoons. *Journal of Projective Techniques and Personality Assessment*, 1969, vol. 33 (2), pp. 154–159. DOI: 10.1080/0091651
54. Suls J.M. A two-stage model for the appreciation of jokes and cartoons: An information-processing analysis. In J.H. Goldstein, P.E. McGhee (eds.), *The Psychology of Humor: Theoretical Perspectives and Empirical Issues*. NY: Academic Press, 1972. Pp. 81–100. DOI: 10.1016/B978-0-12-288950-9.50010-9
55. Tucker R.P., Wingate L.R., O’Keefe V.M., et al. The moderating effect of humor style on the relationship between interpersonal predictors of suicide and suicidal ideation. *Personality and Individual Differences*, 2013, vol. 54 (5), pp. 610–615. DOI: 10.1016/j.paid.2012.11.023
56. Waith E.E. Stand-up comedy saved my life. Literally. URL: <https://www.narratively.com/p/stand-up-comedy-saved-my-life-literally> (Accessed: 01.07.2023).
57. World Health Organization. Preventing suicide: A global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 92 p. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241564779> (Accessed: 01.07.2023)
58. Yue X.D., Hao X., Goldman G.L. Humor styles, dispositional optimism, and mental health among undergraduates in Hong Kong and China. *Journal of Psychology in Chinese Societies 《華心理學報》*, 2010, vol. 11, no. 2, pp. 61–68.

Информация об авторах

Говоров Станислав Александрович, клинический психолог, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1799-9944>, e-mail: stsgovorov@hotmail.com

Говоров С.А., Иванова Е.М. Феноменология и функции
суицидального юмора: теоретический обзор
Клиническая и специальная психология
2023. Том 12. № 2. С. 94–117.

Govorov S.A., Ivanova E.M. Phenomenology and
Functions of Suicide Humor: A Theoretical Review
Clinical Psychology and Special Education
2023, vol. 12, no. 2, pp. 94–117.

Иванова Елена Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России); старший научный сотрудник, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3616-9444>, e-mail: ivalenka13@gmail.com

Information about the authors

Stanislav A. Govorov, Clinical Psychologist, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1799-9944>, e-mail: stsgovorov@hotmail.com

Elena M. Ivanova, PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Clinical Psychology, Pirogov Russian National Research Medical University; Senior Researcher, Mental Health Research Center, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3616-9444>, e-mail: ivalenka13@gmail.com

Получена: 23.03.2023

Received: 23.03.2023

Принята в печать: 05.07.2023

Accepted: 05.07.2023